

Содержание

ИЗОБРЕТЕНИЕ МОРЕЛЯ	5
ПЛАН ПОБЕГА	99
СОН ПРО ГЕРОЕВ	223

Хорхе Луису Борхесу

Сегодня здесь, на острове, начались чудеса. Вдруг наступило лето. Я перетащил постель к бассейну и купался допоздна. Спать было невозможно. Стоило вылезти из воды, как через две-три минуты капли, не принося облегчения, превращались в пот. На рассвете меня разбудил патефон. Я не смог вернуться в музей за вещами и убежал, прячась по расщелинам. Сейчас я стою на южной, низкой оконечности острова, в гуще водяных растений, отбиваясь от комаров, по пояс в грязной воде, и думаю, что по-идиотски поспешил с бегством. Вряд ли эти люди приехали за мной; скорее всего они меня и не видели. Но судьба моя неумолима, и вот я торчу здесь, без всего, в самой неудобной, наименее пригодной для жизни части острова, среди болот, которые раз в неделю заливают море.

Я пишу эти строки, чтобы оставить память о недобром чуде. Если через день-другой я не погибну, утонув или сражаясь за свою свободу, я напишу трактаты «Моя защитительная речь, обращенная к живым» и «Похвала Мальтусу». Я обрушусь с этих страниц на тех, кто вырубает леса и заселяет пустыни; я докажу, что нынешний мир с его усовершенствованиями в сфере сыска, документации, журналистики, с его радиотелефонами и таможенными досмотрами делает непоправимой любую ошибку правосудия, становится для преследуемых беспросветным адом. До сих пор я пока не написал ничего, кроме этого листка, о котором вчера и не помышлял. Сколько дел у человека на пустынном острове!

Как мучительно тверда древесина! Как необъятно пространство и как мала юркая птица!

Мысль приехать сюда подал мне один итальянец, торговавший коврами в Калькутте; он сказал (на своем языке):

— Для беглеца — такого, как вы — в мире есть лишь одно место, но жить в этом месте нельзя. Это остров. Году в двадцать четвертом белые построили там музей, часовню, бассейн. Сооружения закончены и заброшены.

Я прервал его, прося помочь мне туда добраться; торговец продолжал:

— На остров не заглядывают ни китайские пираты, ни белые суда Рокфеллеровского института¹. Там рассадник неизвестной болезни, которая начинается снаружи и убивает, проникая внутрь. У человека выпадают ногти и волосы, отмирает кожа и роговица глаз, больной живет всего неделю-другую. Японский крейсер «Намура» встретил яхту, побывавшую на этом острове, — все, экипаж и пассажиры, были мертвы, без кожи, без волос, без ногтей. Яхту потопили, обстреляв из пушек.

Однако моя жизнь была столь ужасна, что я решился... Итальянец пробовал меня отговорить, но все же я сумел заручиться его помощью.

Вчера вечером я в сотый раз заснул на безлюдном острове... Глядя на здания, я думал, во сколько обошлась доставка сюда этих камней; а как легко было бы построить печь для обжига кирпича. Я заснул поздно; но на рассвете меня разбудили музыка и громкие голоса. Сон беглеца чуток; я уверен, что сюда не подходило ни одно судно, не прилетали ни самолет, ни дирижабль. И однако в эту душную летнюю ночь на травянистых склонах холма внезапно появились люди; они танцуют, прогуливаются, купаются в бас-

¹ Рокфеллеровский институт — научно-исследовательский центр, созданный в Нью-Йорке в 1901 году на средства Джона Дэвидсона Рокфеллера (1839–1937). — *Примеч. пер.*

сейне, словно отдыхающие, приехавшие пожить в Лос-Текес¹ или в Мариенбад².

От болот, где стоячая вода мешается с морской, я вижу вершину холма, вижу гостей, поселившихся в музее. Их необъяснимое появление можно было бы отнести на счет этой душной ночи, счесть их видениями, возникшими в моем мозгу; однако здесь нет ни галлюцинаций, ни призраков — это настоящие люди, по крайней мере такие же настоящие, как я.

Одеты они так, как одевались несколько лет назад; эта причуда подчеркивает, мне кажется, некую фривольность, но надо признать, что теперь принято преклоняться перед магией недавнего прошлого.

Кто знает, отчего судьба обрекла меня — приговоренного к смерти — постоянно следить за ними. Они танцуют на холме, среди высокой травы, где так много змей. Это мои невольные враги: явившись сюда, чтобы послушать «Валенсию» и «Чай вдвоем» — громозвучный патефон разносит мелодии по всему острову, перекрывая шум ветра и моря, — они, сами того не ведая, лишили меня всего, созданного с таким трудом и необходимого для жизни, загнали в гибельные прибрежные болота.

Наблюдать за ними — опасная игра: как любое культурное общество, они непременно владеют хитрыми современными способами опознания личности и, обнаружив меня, путем ряда манипуляций и процедур, используя отпечатки пальцев и бдительных консулов, не замедлят отправить в тюрьму.

Я преувеличиваю: я слежу за этими ненавистными гостями с каким-то наслаждением — ведь я столько времени не видел людей, но нельзя же смотреть на них безотрывно.

¹ Лос-Текес — город в Венесуэле, неподалеку от венесуэльской столицы Каракаса. — *Примеч. пер.*

² Мариенбад — город-курорт в Чехии. — *Примеч. пер.*

Во-первых, у меня много работы — место, где я нахожусь, способно убить самого сноровистого отшельника, а я оказался здесь совсем недавно, и у меня нет инструментов.

Во-вторых, я опасаясь, что они захватят меня врасплох, пока я буду подглядывать за ними, или поймают, пожелав осмотреть эту часть острова; если я хочу обезопасить себя, надо устроить тайное убежище в самых густых зарослях. И наконец, увидеть их непросто — они на вершине холма, и тому, кто подстерегает их снизу, кажутся мимолетными видениями; они возникают лишь тогда, когда подходят к краю расщелин.

Положение у меня незавидное. Пришлось переселиться в эти болота как раз тогда, когда приливы особенно высоки. Несколько дней назад вода поднялась выше, чем за все время моего пребывания на острове.

Когда смеркается, я собираю ветви, покрываю их листьями. И уже не удивляюсь, пробуждаясь в воде. Прилив начинается часов в семь утра, иногда и раньше. Но раз в неделю он бывает настолько высок, что каждый может стать последним. Я делаю зарубки на стволе, ведя счет дням; любая ошибка — и я захлебнусь.

Неприятно думать, что эти записи походят на завещание. Если иного не дано, надо постараться, чтобы мои утверждения можно было проверить; пусть никто, когда-либо заподозрив меня во лжи, не усомнится в главном: меня осудили несправедливо. Эпиграфом к этому документу я поставлю девиз Леонардо да Винчи «*Ostinato rigore*»¹ и попытаюсь строго его придерживаться.

Кажется, остров этот называется Виллингс и входит в архипелаг Эллис². Дальнейшие подробности вы можете полу-

1 «Упорная неуклонность» (*ит.*).

² Сомнительно. Он говорит о холме и о деревьях разных видов. Острова Эллис — или Лагунные — низкие и плоские, на них растут лишь кокосовые пальмы, держась корнями за искрошившиеся кораллы. — *Примеч. издателя.*

чить у торговца коврами Далмацио Омбрельери (калькуттский пригород Рамкришнапур, Хайдарабадская улица, 21). Этот итальянец кормил меня несколько дней, что я прожил у него, завернутый в персидские ковры, потом погрузил в корабельный трюм. Упомянув о нем в этом дневнике, я не хочу его компрометировать, не хочу быть неблагодарным... «Моя защитительная речь, обращенная к живым», несомненно, убедит всех: как в действительности, так и в памяти людской — а именно там, быть может, и находится рай — Омбрельери проявил милосердие, пожалев несправедливо осужденного, и все, кто когда-либо вспомнят его, будут думать о нем с благодарностью.

Я приплыл в Рабаул; с визитной карточкой торговца коврами навестил члена известнейшего сицилийского общества; в металлическом свете луны, в чаду консервной фабрики по переработке моллюсков я получил последние инструкции и краденую лодку; налег на весла и приплыл на остров (с компасом, в котором не разбираюсь, не ориентируясь в море, с непокрытой головой, больной, в бреду). Лодка ткнулась в песок на восточном берегу (очевидно, коралловые рифы, окружающие остров, были в те часы под водой); я просидел в лодке еще день и ночь, вновь и вновь переживая весь этот ужас и забыв, что уже доплыл.

Остров покрыт растительностью. Травы и цветы — весенние, летние, осенние, зимние — торопливо сменяют друг друга, причем больше спешат народиться, чем умереть, занимая время и землю идущих им вслед; неудержимо скапливаются, густеют. И напротив, деревья здесь больны — у них высохшие кроны, покрытые лишаями стволы. Я нахожу этому два объяснения: либо травы отнимают у почвы все силы, либо корни деревьев уперлись в камень (тот факт, что молодые деревца здоровы, подтверждает мою гипотезу). Деревья на холме настолько затвердели, что обрабатывать их невозможно, но и от тех, что растут внизу, тоже никакого

толка — древесина крошится, в руках остаются лишь мягкие щепки, липкая труха.

На вершине холма, над поросшими травой ущельями (ущелья на западе — каменистые), построены музей, часовня и бассейн. Все три сооружения современных форм, прямоугольные, без украшений, выложенные из нешлифованных камней. Как часто бывает, камень кажется плохой имитацией и не очень гармонирует со стилем зданий.

Часовня — продолговатая, низкая (от этого она кажется еще длиннее). Бассейн сделан хорошо, но поскольку его края приходится вровень с землей, в него неизбежно забираются змеи, лягушки, жабы, водяные насекомые. Музей — большое трехэтажное здание с плоской крышей, по фасаду идет галерея, другая, поуже, — позади дома, а наверху высится цилиндрическая башенка.

Оказалось, что дом открыт, и я сразу же там обосновался. Называю его музеем потому, что так говорил о нем торговец-итальянец. Почему? Вряд ли он знал это сам. Здесь мог бы разместиться великолепный отель человек на пятьдесят или санаторий.

Внизу — холл, где вдоль стен тянутся книжные шкафы; книг не счесть, но подобраны они односторонне: только романы, стихи, пьесы (за исключением одной книжечки — Белидор, «Travaux. Le Moulin Perse»¹, Париж, 1937; она лежала на столике из зеленого мрамора, а теперь оттягивает карман моих драных штанов. Я взял ее отчасти потому, что меня привлекло странное имя — Белидор, а отчасти из-за названия «Le Moulin Perse» — не объяснит ли книга назначение мельницы, стоящей внизу, недалеко от берега). Я прошел вдоль полок, подыскивая материал для неких исследований, которые оборвались с началом судебного процесса и которые я попытался продолжить на пустынном острове (я считаю, мы теряем бессмертие из-за того, что борьба со

¹ «Работы. Персидская мельница» (фр.).

смертью не претерпела никакой эволюции, она направлена на первую, самую очевидную цель — поддерживать жизнь во всем организме. Следовало бы стремиться к сохранению лишь того, что важно для сознания).

Стены в холле облицованы розовым мрамором, кое-где в них сделаны узкие зеленые ниши, наподобие утопленных пилястров. Окна с голубыми стеклами достигли бы второго этажа в моем родном доме. Четыре алебастровых светильника — в чаше каждого из них могло бы поместиться по шесть человек — льют ровный электрический свет. Книги немного облагораживают это пестрое убранство. Одна дверь ведет на галерею, другая — в круглую залу; еще одна, маленькая, укромно спрятанная за ширмой, — на винтовую лестницу.

Из галереи поднимается главная лестница — она оштукатурена под мрамор и покрыта ковром. Под навесом стоят плетеные кресла, вдоль стен — полки с книгами.

Столовая большая — площадью примерно шестнадцать метров на двенадцать. На стенах, над капителями тройных колонн из черного дерева, расположены площадки, нечто вроде лож, и в каждой красуется статуя сидящего божества — полуиндийского, полугипетского, сделанного из терракоты цвета охры; статуи втрое больше человеческого роста; их окружают темные выступающие листья гипсовых растений. Ниже идут большие панели с рисунками Фудзиты¹, они выпадают из стиля (слишком скромны).

Пол круглой залы представляет собой аквариум. В воде, в невидимых стеклянных коробах помещены электрические лампы (единственный источник света в этой зале без окон). Я вспоминаю аквариум с отвращением. Когда я вошел туда в первый раз, там плавали сотни дохлых рыб — каково-то было выгребать их оттуда; потом я дни напролет промы-

¹ Цугухару Фудзита (1886–1968) — французский художник Парижской школы, японец по происхождению. — *Примеч. пер.*

вал аквариум свежей водой, но все равно ко мне тут всегда липнет запах тухлой рыбы (этот запах напоминает родные пляжи, море без конца выбрасывает на песок массу рыбы, живой и дохлой, запах разносится на многие километры вокруг, и местные жители устают зарывать рыбу в землю). В этой комнате с освещенным полом и черными лаковыми колоннами ты представляешь себе, как чудесным образом идешь по поверхности пруда где-то в густом лесу. Одна дверь ведет в холл, другая — в маленький зеленый зал, где есть пианино, патефон и зеркальная ширма (створок двадцать, не меньше).

Спальни, роскошные и неудобные, обставлены современной мебелью. Их здесь пятнадцать. В своей я провел грандиозные преобразования, результаты которых были ничтожны. Больше у меня нет ни картин (Пикассо), ни дымчатого стекла, ни книг с подписями знаменитостей, но я живу среди разрухи.

Дважды при схожих обстоятельствах я совершил открытия в подвалах. В первом случае — когда в кладовой стали иссякать продукты; я искал еду и открыл целое машинное отделение. Обходя подвал, я заметил, что ни в одной стене не было небольшого оконца, которое я углядел снаружи, — с толстыми стеклами и решеткой, оно пряталось за каким-то хвойным кустом. Словно споря с кем-то, утверждавшим, что этого окна нет, что оно мне приснилось, я вышел наружу убедиться, так ли это.

Окно было на месте. Спустившись в подвал, я с трудом сориентировался и нашел участок стены, соответствовавший окну. Значит, стена была двойной. Я принялся искать щели, потайные двери. Подумал, что здесь, на острове, в замурованном пространстве, должны храниться сокровища, но потом решил проломить стену и войти: ведь скорее всего там склад — если не пулеметов и боеприпасов, то, возможно, продовольствия.